

© 2002 г. Ю.С. СТЕПАНОВ

ФУНКЦИИ И ГЛУБИННОЕ

Речь пойдет о логико-математических аналогиях с лингвистическими понятиями, главным образом в современной семантике и главным образом таких аналогиях, которые группируются вокруг понятия математической (и логико-математической) функции.

Под современной семантикой здесь мы понимаем всю область информации, связанной с использованием естественного языка, т.е. "семантика" здесь – это и имя предмета, и имя науки о нем (как соответственно и "грамматика", "фонетика" и т.п.). Естественно, что для нашей цели нам нет необходимости останавливаться на различиях национальных языков и национальных школ в семантике (тем более, отдельных течений внутри них). Все семантические явления рассматриваются здесь как относящиеся к языку равным образом (т.е. "Все языки как один Язык").

Говоря в общем, состояние в семантике как науке в наши дни характеризуется открытием все более тонких явлений в самом предмете и, соответственно, увеличением количества научных терминов, их именующих. Исследователи знают что-либо о все большем количестве частных предметов семантики. Но, пожалуй, нельзя сказать, что теперь они знают существенно больше, чем раньше, о семантике в целом. Однако, как показывают коллективные устремления исследователей – российских не в последнюю очередь, – они хотят знать все больше о том, что такое "знать" (см. сборник "Что значит знать?" [СНС 1999]). В том же направлении идут усилия американских, британских и австралийских лингвофилософов (сравним хотя бы очерки Х. Патнэма "Как нельзя говорить о значении", «Значение "значения"» и др. [Патнэм 1999]).

Здесь уместно проделать некоторое краткое предварительное рассуждение о стиле самого рассуждения. Как известно, исследователи, работавшие в русле британской аналитической философии, давно уже поставили этот вопрос и ответили на него в своем стиле. Гилберт Райл, столь популярный у наших молодых "философов языка", еще в 1960 г. писал: согласно одной доктрине, «философские споры могут и должны решаться посредством формализации противоположных тезисов. Теория является формализованной, если она переведена с естественного языка (нетехнического, технического или полутехнического), на котором была первоначально создана, на тщательно продуманный символический язык, подобный, например, языку "Principia Mathematica". Утверждается, что логика теоретической позиции может быть подчинена правилам посредством распределения ее неформальных понятий между содержательно нейтральными логическими постоянными, поведение которых в выводе регулируется набором правил. Формализация заменит логические головоломки логическими проблемами, поддающимися решению с помощью известных и передаваемых посредством обучения процедур исчисления. Таким образом, одной из противоположностей слова "обыденный" (в выражении "обыденный язык") является слово "символический" (notational)» [Райл 1998: 171]. Естественно, что Райл как один из создателей аналитической доктрины выступал за иную возможность – использование самого "обыденного языка" также и в этой функции, т.е. за "изучение логического поведения терминов несимволического (нелогического) дискурса".

Конечно, в настоящее время (и притом в контексте российской школы) мы не можем принять целиком решение Г. Райла, но его необходимо учесть. А именно следующим образом. Мы не выбираем ни формализованный язык, ни обыденный язык, а сопоставляем их как два различных дискурса, рассматривая их базовые термины как если бы они подлежали переводу с одного дискурса на другой в некоем воображаемом двуязычном словаре.

Термин "воображаемый" – воображаемый словарь, воображаемая грамматика, воображаемая логика, подобные термину "воображаемая геометрия", часто будут возникать в нашем дальнейшем рассуждении (впрочем, не в этой – первой статье из задуманного цикла). Ключевую роль играет и синонимичный ему термин "виртуальный". Термин "воображаемый" имеет глубокую русскую традицию, – например, "воображаемая логика" Н.А. Васильева и его последователей. Термин "виртуальный" несет в себе динамическую новизну, – упомянем, например, новейший коллективный подход в России "Концепция виртуальных миров и научное познание" [КВМ 2000].

Конкретно предмет настоящей статьи – некий "воображаемый", или "виртуальный", словарь терминов – словарь "обыденно-формальный", обыденный с одной стороны, со стороны обыденного языка, формальный – с другой, со стороны логико-математической. Общим содержанием сопоставляемых терминов (в большинстве случаев, следовательно, пар терминов) является некая общая мыслительная, познавательная ситуация, как она предстает по наблюдениям автора данной статьи. Этот словарь, следовательно, авторский. Но автор надеется, что за сходством сопоставляемых терминов и понятий проступает нечто более глубокое, чем индивидуальный акт наблюдения, некая глубинная а н а л о г и я.

1. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ФУНКЦИЙ, СУЩЕСТВЕННЫЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

0. Предварительные замечания. В лингвистике слово *функция* имеет два значения:

1) как "назначение, цель того или иного языкового средства в употреблении языка, в его системе в целом" и, конечно, 2) как соответствие логико-математическому понятию "функциональной зависимости". Долгое время эта омонимия терминов рассматривалась просто как явление нежелательное, как помеха (см., например, Р. Якобсон. "Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами" [Якобсон 1965: 377]). В настоящее время эта омонимия снята для целого класса случаев на тех же основаниях, на которых Э. Бенвенистом разрешена (системно объяснена) омонимия французских слов *voler* "летать" и *voler* "воровать", т.е. на основаниях чисто лингвистических как некоторый специальный частный случай языковой семантики, – об этом подробнее в наст. статье ниже, раздел II, 1. Тем не менее функция в первом значении и соответственно "функциональная грамматика" и т.д. здесь не затрагиваются. Мы сосредоточимся на втором значении термина "функция", которое более точно может быть определено так: "Функция есть *операция*, которая, будучи применена к чему-то как к *аргументу*, дает некоторую вещь в качестве *значения* функции для данного аргумента. Не требуется, чтобы функция была применима к любой возможной вещи как к аргументу; напротив, в природе всякой функции скорее лежит свойство быть применимой лишь к некоторым вещам и, будучи примененной к одной из них как к аргументу, давать некоторое значение. Вещи, к которым функция применима, составляют *область определения* функции, а значения составляют *область значений* функции. Сама функция состоит в определении некоторого значения для каждого аргумента из области определения функции" [Черч 1960: 24].

Приведем еще один, более конкретный пример из математики.

Элементарное определение функции таково: "Величина y называется *функцией* переменной величины x , если каждому из тех значений, которые может принимать x ,

соответствует одно или несколько определенных значений y . При этом переменная величина x называется *аргументом*.

Примером может служить зависимость между температурой кипения воды в естественных условиях (T) и атмосферным давлением (p):

$T^{\circ}\text{C}$	70	75	80	85	90	95	100
$p^{\text{мм}}$	234	289	355	434	526	634	760

" [Выгодский 1995: 247].

Общее обозначение функции $f(x) = k$. Поскольку зависимость двусторонняя, то как левая половина в этой записи может быть определена по правой, так и правая по левой; обычное обозначение при этом для первого случая *прямая* функция, для второго – *обратная* (по соотношению с соответствующей прямой). В частности, эта зависимость оказывается очень важна для лингвистики в области так называемой словной функции (см. ниже), когда требуется описать понятия "операторов" – "лямбда-оператора" и "йота-оператора".

Вообще, нас будут интересовать аналогии с лингвистическими понятиями по этой логико-математической линии. В математике понятие "аналогия" входит в такой ряд ("поле") понятий, как "равенство", "сходство", "эквивалентность", "гомоморфизм", "изоморфизм" и некоторые другие. В нашу задачу не входит разбирать их все. Но сразу можно сказать, что со стороны гуманитарных наук понятие "аналогия" входит в другое "поле" – философии и поэтики, более того, оно там и оформилось. Здесь слово *аналогия* употребляется в его обычном общепринятом значении в русском языке.

Логико-математическое понятие функции является в настоящее время, несомненно, центральным по положению в нашей системе рассуждения и содержательно важнейшим для нашей цели. Им вводится целый класс математико-лингвистических аналогий, параллелей и исследовательских ситуаций. Ниже нумеруем их – в порядке возникновения в нашем рассуждении – цифрами от 1 и далее; но эта нумерация все же связана до некоторой степени с иерархией понятий в системе.

Теперь рассмотрим более конкретно группу лингвистических явлений, составляющих параллели, аналогии, аналогии (все эти термины для нас равнозначны) к логико-математическим понятиям, покрываемым общим понятием "Функция" или находящимся в какой-либо существенной связи с ним. Для этого "слева" указываем то или иное необходимое частное понятие функции в математическом смысле или контексте, а "справа" его лингвистический аналог.

Таким образом нижеследующий текст представляет собой своего рода д в у - з ы ч н ы й с л о в а р ь, хотя в типографском отношении входной "левый" термин и "переводной" "правый" могут быть разъединены несколькими строками или даже абзацами.

Лейтмотивом в классе "Функция" является для нас (для лингвиста) идея процесса (вычисления или построения), но, как мы увидим уже в разделе 1, со стороны математики именно ее важность иногда отрицается.

1. Рекурсивные функции и предикаты: процесс и рекурсия. Дж. Литлвуд, рассматривая (резко критически) книгу А.Р. Форсайта "Теория функций комплексного переменного", изданную в 1893 г., но все еще читаемую, цитирует из нее: "Возникновение идеи функциональности вначале было связано с функциями вещественных переменных, и тогда эта идея была равнозначна идее зависимости. Так, если X зависит

от значения x и не зависит ни от какой другой изменяющейся величины, то принято X рассматривать как функцию от x ; при этом обычно еще подразумевается, что X выводится из x при помощи ряда операций". Такое изложение, по мнению Литлвуда, навеивает "общий кошмар". «В наше время, — продолжает он, — конечно, функция $y = y(x)$ означает, что имеется класс "аргументов" x и что каждому x поставлено в соответствие 1 и только 1 "значение" y . После некоторых тривиальных разъяснений (а может быть, и без них?) мы можем осмелиться сказать, что функция есть просто класс C пар (x, y) (с учетом порядка в скобках), подчиненный (только) тому условию что x в различных парах должны быть различными. (И утверждение "между x и y есть зависимость R " означает просто задание класса, который может быть любым классом упорядоченных пар.)» [Литлвуд 1978: 64, 67].

Если термины "изменяющаяся величина", "выводится", "ряд операций" и т.п. вызывают у Дж. Литлвуда "ощущение кошмара", то он упускает и связанную с ними более общую идею "процесса", хотя бы понятия вычислимости. А эта идея и является в настоящее время самой главной. Остановимся на этом пункте подробнее.

Логики-философы [в частности, работавшие в контексте "Философской энциклопедии" 1960-х гг. в России (СССР)], так рассматривают рекурсивные функции и предикаты. Это «один из важнейших для оснований математики и математической логики классов понятий, служащих уточнениями содержательных понятий эффективно вычислимой арифметической функции и эффективно разрешимого арифметического предиката, а в конечном счете, — и лежащих в основе этих содержательных понятий интуитивных представлений об "эффективной осуществимости" и "эффективной определимости". "Эффективно осуществимым" естественно называть всякий процесс, для выполнения любого шага которого (в нетривиальном случае, когда этот процесс бесконечен) возможна однозначно детерминированная процедура — "алгоритм", "эффективно определимым" — понятие, определяемое таким образом, что для решения вопроса об отнесении какого-либо объекта к объему этого понятия также имеется алгоритм. (...) Общее определение "(эффективной) вычислимости" естественно было искать по отношению к функциям, определенным на возможно более простой в каком-либо отношении области, носящей в то же время настолько общий характер, чтобы перенесение выработанных для нее понятий и методов на функции, определенные на более сложных областях, не представляло бы принципиальных затруднений. Подходящей в обоих этих отношениях областью является натуральный ряд чисел $0, 1, 2, \dots$, исходя из которого строятся и более сложные и богатые числовые классы $\{\dots\}$. "Генетический" способ построения натурального ряда, состоящий в переходе от любого натурального числа n к непосредственно следующему за ним числу n' , выраженный в принципе математической индукции, наводит на мысль и об универсальном (для арифметики) характере т. наз. определений по индукции арифметических функций (и предикатов). Примерами таких определений по индукции, или, как их называют, *рекурсивных* (от лат. *recursio* — возвращаюсь) служит определение функции $\varphi(a, n) = a + n$ (операции сложения) с помощью аксиом

$$\varphi(a, 0) = a$$

$$\varphi(a, n') = (\varphi(a, n))'$$

«...» и аналогичная пара аксиом для умножения» [Гастев, Шмаин 1967: 487]. Изложенное в приведенной цитате определение в курсах математической логики описывает класс функций, называемых *примитивно-рекурсивными функциями*: "функция $f(t, x)$, содержащая или не содержащая параметр t , называется примитивно-рекурсивной относительно функций $a(t)$, $b(t, x, y)$, если

$$R \begin{cases} f(t, 0) = a(t) \\ f(t, Sx) = b(t, x, f(t, x)) \end{cases}$$

(где никакая переменная, встречающаяся в правой части уравнивания, не отсутствует в левой части, хотя некоторые переменные и могут отсутствовать в правой части)" [Гудстейн 1961: 73].

Р.Л. Гудстейн обращает внимание на черту аналогии с языком: "Предложение, содержащее свободные переменные, есть *арифметический предикат*" [Гудстейн 1961: 68].

Для лингвистики прежде всего важны две аналогии, связанные с основными единицами естественного языка: предложением (пропозицией) – *пропозициональная функция* и словом – *словная функция*.

2. Числовая функция в математике – Пропозициональная в лингвистике (иначе: высказывательная функция). Под последней понимается предложение как форма высказывания, выражающее некоторое суждение; в общей форме, как функция, предложение не завершено: оно содержит в своем составе незаполненные места, могущие быть заполненными словами или словосочетаниями данного языка; последние являются аналогами обозначений аргументов в числовой функции; при подстановке этих словесных переменных в высказывательную функцию она превращается в нормальное высказывание, истинное в том случае, если аргумент соответствует области определения аргументов для данной функции.

3. Числовая функция в математике – Словная функция в лингвистике. Словная функция представляет собой функцию достаточно специального вида (даже для математиков). В математическом смысле эта функция определяет собой *имя* в логико-математическом смысле термина. Мы назовем ее столь же специальным термином – *словная*. В данной статье мы рассмотрим только один, еще более специальный ее случай, а именно такой, когда слово является именем существительным или именем прилагательным. Но одновременно это и наиболее типичный случай.

В основе этой функции, как для математики, так и для лингвистики, лежит одна и та же широко известная схема, называемая *семантическим треугольником*, или *треугольником Фреге*. (Она была известна уже схоластам XII века, и по справедливости ее нужно было бы называть именем Иоанна Солсберийского (он же Джон из Солсбери), но Фреге дал лучшее исследование ее на конец XIX в.; см. ниже II, 3.) Согласно этой схеме, имя состоит из (1) самого слова или знака слова в его внешней стороне – звучания или написания, (2) предмета обозначения, т.е. предмета, обозначаемого этим словом, – *денотата*, (3) *смысла* имени. В математической логике эти три сущности связаны отношениями функции, а именно, так, что *денотат является функцией смысла имени*:

денотат имени $N = f(\text{смысл имени } N)$ [Черч 1960: 27].

Несколько простых примеров. Для русского языка: смысл слова *экскурсовод* помогает нам найти его денотат, т.е. человека, являющегося экскурсоводом среди толпы людей, бродящих по музею; аналогично – *автоматчика* в толпе солдат; *тяжеловоз* – среди автомашин, заполняющих автостоянку, и т.п. Точно так же в языке математики имя числа 9, имеющее своим смыслом "три в квадрате", позволяет нам найти денотат этого числа среди чисел 4, 9, 16, 25... и т.д.

Математические логики не уделяют особого внимания тому обстоятельству, что словная функция действительно является функцией именно некоторого специального вида, ограничиваясь лишь указанием, что она принадлежит к разряду *однозначных сингулярных функций* [Черч 1960: 24]. (*Сингулярная* – зависящая от одного аргумента.) Между тем для математики интерес представляет общий случай – т.е. функции не сингулярные – бинарные, тернарные, вообще m -арные, что для лингвистики, скорее, редкость. (Однако ниже рассмотрим один такой случай, связанный с понятием словной функции и понятием функции актуальной интерпретации – разделы 5 и 6.)

Поэтому для математики в ее аналогиях с лингвистикой более естественны такие случаи, когда значения и аргументов и самих функций образуют множества, или

классы, которые, если и могут быть формализуемы, то по каким-то особым параметрам, лежащим в сфере лингвистики.

Вне этого специального случая (т.е. раздела 5) понятие множества (множества аргументов и функций) в применении к словной функции могло бы появиться разве что в связи с тем, что все слова какого-либо данного (фиксированного) языка рассматривались бы как некоторое разнородное множество, каждое со своей функцией, но потребность в таком рассмотрении, кажется, еще ни у кого не возникала. Итак, мы не будем стараться натушно соединить словную функцию (основу структуры имени) с другими видами функций в их математическом аспекте (ибо этого не делают и сами математики), а просто оставим ее как своеобразную, уникальную.

4. Бинарная словная функция в математике – Сложное слово типа *поэт-агитатор* и подобные в лингвистике. Когда мы говорим "сложное слово *поэт-агитатор* и подобные", то мы имеем в виду русские типы *нефтепровод* (*паровоз* и т.п.), *голубоглазый* и еще некоторые другие (здесь нам важно лишь подчеркнуть, что это большой класс слов). В других индоевропейских языках (здесь мы ограничиваемся только индоевропейскими) есть и другие разновидности, как, например, англ. *stone-wall* "каменная стена", букв. "камень стена", или *stone-wall problem* букв. "каменная стена проблема" (как обозначение лингвистической проблемы, связанной с образованием таких слов). В древнеиндийском (ведийском языке и санскрите) имеется огромный класс таких слов, некоторые разряды которых к тому же занимают промежуточное положение между словами и элементарными синтаксическими конструкциями, которых 4 типа, традиционно обозначаемые терминами древнеиндийской грамматики как *dvandva*, *tatpuruṣa*, *karmadhāraya*, *bahuvrīhi*.

Для нашей цели нам требуется суммарное обозначение таких слов еще до начала их подробного освещения и классификации (что к тому же не является здесь нашей задачей). Но выбрать такое общее обозначение очень трудно (вероятно, большинство лингвистов будет возражать против всякого), поскольку одни называют их "словосложением", другие "основосложением", третьи "сложными словами", четвертые "сложно-составными словами". Как условный термин, как "имя класса", может быть выбрано любое. Во всяком случае имя, идущее от математики, будет, вероятно, подходящим к любому из типов этого класса – "лингвистические типы, покрываемые бинарной словной функцией". Именно на этом названии мы остановимся. С лингвистической стороны лучшим будет, по-видимому, *двуосновное имя*, или *сложное имя*.

Это общее наименование сразу задает нам центр класса – тип рус. *поэт-агитатор*. Именно на этом типе, правда в его французском проявлении – *oiseau-mouche* (жен. р.) букв. "птица-мушка" (колибри), *chien-loup* (муж. р.) букв. "собака-волк" (волкодав), *papier-monnaie* (жен. р.) букв. "бумага-монета, бумага-деньги", и была впервые описана (Э. Бенвенистом в 1967 г.) аналогия с математической функцией в вышеуказанном виде [Бенвенист 1974: 241–258].

В этом типе слов как словной функции (сравним еще рус. *изба-читальня*, *вагон-ресторан*, *диван-кровать*, *рыба-пила* и т.п.) области определения обоих аргументов всегда легко обозримы, это конкретные "индивиды", "вещи", но эти области не симметричны. Классификацию задает всегда первый аргумент: *поэт-агитатор* – это поэт, а агитатор – лишь его дополнительный, характеризующий признак: *изба-читальня* как предмет – это прежде всего именно изба, а читальня – ее назначение (использование); *вагон-ресторан* – это предмет вагон, используемый как ресторан; фр. "собака-волк" – это собака, а не волк, но имеющая признаки волка; и т.д. Первый аргумент задает денотат как предмет, вещь, в прямом значении слова, а второй – его назначение, характер использования или особенность, часто в метафорическом смысле. Сама функция, следовательно, состоит в переводе пары отдельных предметов в один, но сложный. Поэтому несимметричны и отношения внутри уже создавшегося сложного слова – это определительная синтаксическая конструкция: поэт, *который*

является агитатором; изба, которая служит читальней; бумага, которая является монетой (деньгами), и т.д. Э. Бенвенист тонко подмечает: вся конструкция предполагает особую функцию глагола "быть": «это не логический показатель тождества между двумя классами аргументов, это пропозициональная функция (мы бы сказали скорее "предикат". – Ю.С.) формы "х, который есть у" применяется здесь к реальному предмету, и, однако, референты х и у несовместимы – что было бы противоречием» [Там же: 244].

Эту характеристику мы могли бы продолжить и сказать, что данный тип наименования создает новое место в классификации явлений ментального мира, поэтому во многих случаях, если не в большинстве, к новым двусловным именам обнаруживаются какие-либо старые, включающие данный предмет обозначения в какие-либо другие, иногда устаревшие или иного стиля классификации. Например, "диван-кровать" – это диван современного стиля для малогабаритных квартир, "птица-мушка" это птица, которая в научной классификации уже имеет имя – колибри; "поэт-агитатор" – это новый революционный тип поэта, который в эпоху Пушкина связывался с понятием "поэт-пророк" и т.п.

В древней индоевропейской культуре такие формы использовались также для обозначения предметов, сложных или составных, и не имевших иного, простого обозначения, например **ǵi-ro-peǵu* букв. "мужчины-скот" (иногда с обратным порядком компонентов) как обозначение "движимого имущества, богатства"; тип *dvandva* в классическом санскрите *pitárāmātára* "отец-мать". В живых языках этот тип сохраняется – например, рус. *отец-мать* (*Бессыдник, отца-мать позабыл*); литов. *tėvas motina* "отец-мать, отец с матерью".

По-видимому, его более поздней исторической стадией является тип рус. *отец с матерью, брат с сестрой, мы пришли с братом* (т.е. "я и мой брат"), фр. разг. *pous deux Charles* букв. "мы двое Шарль", т.е. "мы с Шарлем", "я и Шарль". Здесь называется сложный, парный, предмет, рассматриваемый как нечто единое, но ведущим компонентом является тот, который называется первым.

Во всех названных языках этот унаследованный тысячелетний лингвистический тип подчиняется тенденциям живого актуального словопроизводства в данном языке.

Так, в современном русском аналогом бинарной словной функции оказываются три такие модели:

1) "классическая" модель: *лесовод, лесосплав, лесосека* и т.п., где "левый" элемент именной, а "правый" – глагольный;

2) современное видоизменение этой модели, где сочетаемость не ограничена таким образом, особенно широка она для "левого" компонента, он превращается в аналог относительного прилагательного (и так и называется в современных русских грамматиках) со значением "относящийся к лесу" (с многочисленными частными рубриками): *лесомассив, лесопитомник, лесосклад, лесооборот, лесобригада, лесостатистика, лесоботаника* и т.п.;

3) второй тип поддержан мощным активным словообразовательным процессом, идущим от неологизмов – сложносокращенных слов с "левым" компонентом группы *гор-, гос-, хоз-, сель-, пром-, сов-* и т.п. и уже уходящими в прошлое *парт- и проф-* (по моим наблюдениям, молодежь уже не понимает слова *профсоюз*; хотя, с другой стороны, элемент *сов-* еще живет – *соврубли, совмодели* на выставке готового платья – и породил новое слово *совковый* как резко презрительную характеристику чего-либо; см. подробную характеристику в книге "Русский язык и советское общество. 3. Морфология и синтаксис" [РЯСО 1968]).

Аналогичные явления отмечены в современном французском языке, но, разумеется, частные параллельные процессы там иные, чем в русском, хотя между теми и другими имеется сильное типологическое сходство. И м е н н о й т и п: в нише старинного образца *hôtel Dieu* "странноприимный дом", "божий дом" букв. *Бого-дом*

(ср. рус. *Божедомка*) появляются *pâtisserie-maison* "фирменный торт или пирожное", букв. "выпечка [нашего] дома", *jupe-sport* "спортивная юбка", *fauteuil Voltaire* "вольтеровское кресло"; здесь первоначальные, относительные значения определительного компонента (во французском, в отличие от русского, он – "правый"), превращаются в качественные и очень продуктивны в языке рекламы: *chanson-succès* "хитовая песня", *rythme canaille* "прикольный, заводной ритм", *succès bœuf* "потрясный успех" и т.п. Г л а г о л ь н ы й т и п: в нише старинного образца *parler politique* "говорить о политике" и *voir clair* "видеть ясно" возникают неологизмы, часто прямо в речи, на данный случай: *parler Faulkner* "говорить в стиле Фолкнера" или "без конца твердить о Фолкнере, заикаться на Фолкнере", и *voir rouge* "видеть все в красном (боевом) цвете", *voter communiste* "голосовать за коммунистов" или "голосовать как коммунисты, коммунистически" (подробнее см. [Барышева 1969]).

Чрезвычайно интересный параллелизм явлениям, отмеченным здесь в русском и французском, мы находим в древнеиндийском (в эпическом и классическом санскрите). По-видимому, происходившие там процессы (как класс процессов) полностью аналогичны указанным, но в частности, конечно, своеобразны, а вместе с тем, как указывают специалисты, еще и не достаточно изучены (см. [Кочерина 1990: 148–152]).

Все три языка в рассматриваемом нами отношении можно объединить: процессы образования и употребления сложных слов названных типов в них активны и динамичны; поэтому помимо типов, фиксированных в стандартных национальных описаниях (для санскрита – Панини, Патанджали и др.), которым легко находится логикоматематический аналог в функции указанного в начале типа, необходимо предусмотреть какой-то иной аналог – функцию какого-то иного вида. Мы предварительно назовем ее *функцией актуальной интерпретации*.

5. Сложные слова и Функция актуальной интерпретации. Отличие постулируемой нами функции от указанной ранее, идущей от Э. Бенвениста, "классической" аналогии, будет состоять прежде всего в том, что значения ее составных частей (аргументов), а возможно и значение самой функции недостаточно определены, или, может быть, лучше было бы сказать не "недостаточно определены", а "не до конца определены" самими пользователями данным типом слов в языке; это функция с некоторым количеством неопределенных компонентов.

В самом деле, эту особенность рассматриваемых нами слов отмечают все авторы (ниже указываем трех следующих):

К о ч е р г и н а: "Полное отсутствие притяжательных прилагательных и лишь складывающиеся в пору эпического санскрита прилагательные относительные – факт, свидетельствующий о том, что определение предмета через принадлежность, а также определение через отношение к признаку другого предмета, осуществлялось в древнеиндийском языке каким-то иным способом"; "Своеобразие развития имени в древнеиндийском состоит в том, что первоначально недифференцированное имя закрепилось в языке как имя существительное при отсутствии развития имени прилагательного. Это привело к тому, что основослоложение *tatpuruṣa* с последним элементом существительным, т.е. соединение двух имен существительных, стало синтаксическим способом выражения атрибутивности" [Кочергина 1990: 151–152]. Но "синтаксический способ" как раз и означает, что фиксируются лишь рамки возможных значений, а не сами значения во всей их конкретности, – последняя "ad hoc" должна усматриваться пользователями языка из всего контекста высказывания.

Б а р ы ш е в а: Рассматривая фр. модель I тип *pâtisserie-maison* "выпечка нашей фирмы", модель II, вариант 4, тип *débat-fleuve* "дискуссия, длинная как река, нескончаемая дискуссия", автор отмечает: «Логические отношения в модели II не так просты, как в модели I, и их ясность уменьшается от первого варианта к четвертому. В модели III тип *réchaud-tempête* "плитка-ураган" (особый тип плитки, ср. "запор-молния") логические отношения не однотипны и еще менее ясны, чем в модели II.

Отсутствие однотипной логической основы и семантическая неограниченность служат косвенным доказательством ее новизны и продуктивности» [Барышева 1969: 6].

"Русский язык и советское общество". Исследователи этого коллектива более оптимистичны в отношении к возможности определенно фиксировать "типы значений" (возможно, потому, что обследуемый язык – их родной русский). Рассматривая (цитированные нами выше) примеры с "левым" элементом *лесо-*, а также с *водо-*, *зерно-*, *бензо-*, *газо-* (в языке наших дней следует выделить *газ-*, ср. *газопровод*, но *газпром*. – Ю.С.), *нефте-*, *снего-*, *свето-*, *торфо-* и др., они отмечают:

«Процесс превращения в отдельное слово у многих из этих элементов не завершен. Само число соединений с существительными у этих элементов уступает числу таких же соединений у единиц *гос-*, *проф-* и под. Все же и в этой группе есть единицы, полностью ставшие отдельными словами.

В большинстве своем это соединения, допускающие параллель со свободными синтаксическими атрибутивными сочетаниями, подобно тому, как это наблюдалось в соединениях с *гос-*, *проф-*. Параллели эти либо засвидетельствованные реально, либо легко конструируемые, дают, например, сочетание "*лесо* + существительное" (ср. сочетания "*лесной* + существительное"). Отмеченные примеры касаются следующих семантических групп: а) группы соединений со значением "относящийся к лесу": *лесопосадки*, *лесонасаждения* – ср. лесные, полевые насаждения; *лесоботаника* – лесная ботаника, *лесовредитель* – сельскохозяйственные вредители; *лесооборот* – товарный оборот; *лесогородок* – университетский городок, медицинский городок; б) группы соединений со значением "предназначенный для работ в лесу": *лесоплуг* – лесной плуг; *лесомашинны* – сельскохозяйственные машины, ср. лесная борона, лесной трактор; *лесобригада*, *лесоартель* – огородная бригада, полевая артель; и т.д. в) группы соединений со значением "относящийся к лесоводству, эксплуатации леса": *лесопромышленность* – лесная промышленность; *лестрест*, *лесокооперация*, *лесообъединение* – лесной трест, лесная кооперация и т.д. Значения здесь варьируются (избираются) позиционно: зная тип значения существительного, можно предсказать, каково будет значение прилагательного *лесо-*» [РЯСО 1968: 121–122].

Нетрудно видеть, что дать сколько-нибудь единообразное определение всем этим типам значений компонентов как "областям определения аргументов", для хорошего сопоставления с соответствующим понятием "функции" в достаточно общем смысле, как функции, сопоставимой с единой формой сложного слова, вряд ли возможно.

Скорее, здесь нужно думать о том, как установить значение вообще данного слова применительно к данному контексту его употребления, что и можно было бы назвать в более общем смысле *функцией актуальной интерпретации*.

6. Функция актуальной интерпретации и понятие "значение слова" вообще. Действительно, эта проблема, причем именно под таким наименованием, поставлена представителями американской семантической школы, мы имеем в виду прежде всего важную для нашей цели работу Барбары Холл Парти [Холл Парти 1983: 291 и сл.]. Нам близок и общий контекст, в котором введен этот термин "установление функции актуальной интерпретации". «Вообще, – пишет этот автор, – можно сказать, что для каждого термина (имени. – Ю.С.), введение которого в английский язык хотя бы частично было основано на явно указательном или местоименно-указательном акте "фиксации референции", интенционал этого термина частично устанавливается на основе свойств объекта (или объектов) реального мира, первоначально вовлеченных в акт введения термина. В таких случаях незнание говорящим экстенционала, термина или "причинной истории" термина ведет к незнанию интенционала, но не мешает термину и м е т ь интенционал в языке говорящего. Поэтому вполне имеет смысл, а возможно и истинно, утверждение, что носитель языка в общем случае н е з н а е т полностью своего языка. (Далее мы обсудим, каким образом получается так, что коммуникация обычно не нарушается этим недостатком знания.)» Как видим, это

рассуждение полностью соответствует тому положению дел, о котором мы говорили в предыдущих разделах.

Но здесь мы не будем углубляться в эту специальную проблему. Укажем лишь, что она плодотворно обсуждается далее в российской философии языка, причем контекст обсуждения за прошедшее время существенно расширился, – см., например, коллективный сборник "Концепция виртуальных миров и научное познание" [КВМ 2000], в связи с нашей темой в особенности [Родин 2000].

7. Семантический треугольник и абстрагирование его компонентов ("сторон") в виде математических операторов абстракции. Семантический треугольник описан в разделе 3 в виде математического понятия "словной функции", и только в рамках этого понятия имеет смысл рассуждать об отвлечении (абстрагировании) сторон треугольника. Сказанным утверждается лишь общая возможность абстрагировать эти стороны, делая каждую из них особым абстрактным и одновременно формализованным объектом. Частных возможностей, очевидно, – три.

7а. Оператор абстракции, или лямбда-оператор. (Он обозначается греческой буквой лямбда, λ , как λ -оператор.) Посмотрим еще раз на общую формулу словной функции

$$\text{денотат имени } N = f(\text{смысл имени } N).$$

Лямбда-оператор выделяет то, что идет в этой формуле после знака равенства, справа от него. Т.е. самое сокровенное в словной функции, в обозначаемом таким образом имени, самое его существо, то, что делает его именем данного денотата. Например (см. раздел 3), если *экскурсовод* – это имя человека, то словной функцией этого имени является его смысл – "человек, водящий экскурсии", а далее извлекая тот смысл (в общем, можно сказать, – тот признак, на котором этот смысл основан), т.е. абстрагируя само значение данной словной функции, мы получаем "водить экскурсии". Это и будет результатом применения операции абстракции, т.е. лямбда-оператора, в данном случае.

Лямбда-оператор естественно становится, за пределами математики, кратким обозначением целой проблемы истории культуры, на которой мы кратко остановимся в конце.

7б. Оператор дескрипции, или иота-оператор. (Он обозначается перевернутой греческой буквой иота ι , как ι -оператор), и читается так: "тот x , который описывается данной словной формулой" (формула в общем виде приведена выше).

Взглянем еще раз на пример функции, приведенный выше в разделе "0. Предварительные замечания", – зависимость между температурой кипения воды (T) и давлением (p). На первый взгляд может показаться, что оператор дескрипции здесь будет описывать аргумент "вещественно" – как "вещь", имеющую некоторое свойство (т.е. так, как делает Н.И. Кондаков в своем "Логическом словаре" [Кондаков 1971: 354]. Но в действительности – нет: оператор дескрипции здесь действует "номиналистически" – он описывает только *ч и с л о* (которое в следующем ярусе отношений уже указывает на то или иное материальное, вещественное свойство).

После того, как мы охарактеризовали два оператора, мы должны увидеть естественным образом и третий.

7в. Третий абстрактный оператор – оператор формы знака. На схеме "треугольника": он не может быть обозначен никакой линейкой, он связан с самой формой знака и скорее всего должен быть символизирован самим же этим знаком (без всякой "линейки" от него к чему бы то ни было). Тем не менее, этот невыраженный, "невидимый", оператор используется и в самой математике и особенно в математической логике и семиотике под названием "автонимное употребление слова", – употребление слова для обозначения самого себя, например, Слово "*число*" состоит из пяти букв. Понятно, что этот оператор приобретает большую роль в экспериментах со словом – в экспериментальной поэзии и в ее теории – поэтике (см. об этом [Фещенко-Такович, в печ.]), например, в так называемом "автопоэзисе".

8. Иота-оператор и сложное слово типа бахуврихи. Аналогия данного типа индоевропейского сложного слова с математической функцией обнаружена также Э. Бенвенистом в уже упомянутой работе [Бенвенист 1974а], но с каким именно видом функции, им не было указано. И мы развиваем эту отсутствовавшую линию здесь.

Математики (в отличие от лингвистов и семиотиков) уверены в непогрешимости своих формальных описаний (которые на самом деле могут быть двусмысленными). В данном случае – взглянем еще раз на общую формулу словной функции: что обозначает выражение "имя N "?

Во-первых, в схеме "треугольника" оно может обозначать ту связь, ту "линейку", которая идет к вершине "предмет", к обозначаемой словом вещи, предмету, денотату. Тогда "имя N " надо понимать так: "имя, относящее к вещи N ", а операция дескрипции этого "имени N " будет пониматься как "описание той вещи, именем которой является N ". Некоторые авторы так это и понимают, например: «Если $A(x)$ есть одноместный предикат, то образованный от него с помощью оператора дескрипции терм записывается так: $1\ x A(x)$, который читается: "тот предмет x , который обладает свойством A "» [Кондаков 1971: 354]. Назовем это *реальным*, или *вещественным*, пониманием оператора дескрипции.

Во-вторых, в схеме "треугольника" выражение "имя N " можно понимать как ту "линейку", которая ведет к вершине "имя", т.е. обозначает само слово N (или другой знак, использованный автором описания на месте N и обозначенный им подобно N). Тогда оператор дескрипции понимается как описывающий не предмет (денотат), а знак этого предмета, один из его внутренних параметров (точно так же, как оператор абстракции описывает другой из его внутренних параметров). Назовем это *номинальным*, или *номиналистическим*, пониманием оператора дескрипции.

В исследовательской работе при формализации удобнее в одних случаях понимать этот оператор одним, в других случаях – другим из указанных способов. В общем, дело обстоит, по-видимому, так. Если оператор дескрипции относится к чисто числовой функции (или функции, сводимой к чисто числовой), то его удобнее понимать "номиналистически". Если оператор дескрипции относится к какой-либо логико-математической функции, то его удобнее понимать "реально", или "вещественно". (Так, например, в случае пропозициональной функции. Развернутый пример такого рода мы даем ниже в связи с проблемой этимологии, – раздел II, 1).

Сложные имена, называемые бахуврихи (bahuvrīhi) – широко распространенный тип: рус. *широкоплечий*, англ. *blue-eyed* "голубоглазый", греч. ἄρϋρὸ-τόξος "(бог) серебролукий" и т.п. Этот тип основан на стяжении двух синтаксически различных предложений. Одно из них – предикативное предложение качества: "лук – серебряный"; другое предикативное предложение принадлежности: "серебряный лук принадлежит тому-то (x)". Атрибутивное предложение имеет своим признаком предикат существования "быть у (принадлежать)" (*être à*), который необходимо предполагает носителя атрибута, выраженного или невыраженного, актуального или потенциального "быть у (принадлежать)". Это свойство и определяет синтаксическую структуру бахуврихи. «Существенно различие двух планов предикации. Природа этих планов неодинакова:

- предикация качества "лук серебряный" (в греч. ἄρϋρὸ-τόξος "серебролукий") является синтаксической функцией, устанавливаемой между знаками;
- предикация атрибуции "серебряный лук у... (принадлежит тому-то)" является семантической функцией, устанавливаемой между знаками и референтами (т.е. денотатами. – Ю.С.)» [Бенвенист 1974: 253].

В отличие от Э. Бенвениста, мы не склонны видеть здесь различие синтаксической и семантической функций. По нашему мнению, в обоих предложениях функция одна и та же – семантическая. Как предикат "серебряный" приписывается луку, так и предикат "имеющий то-то" приписывается (затем) некоторому носителю, обладателю. Одна и та же функция выполняется последовательно два раза: перед нами, скорее,

явление повторяемости, рекуррентности функций, как некоторый специальный случай рекурсивной функции.

Существенный материал по этой теме содержится в работе [Seiler 1960], но его анализ выдержан там в иной, нестандартной и очень сложной методике; ее разбор потребовал бы специального пространного этюда.

II. ФУНКЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ГЛУБИННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЯЗЫКА

1. Этимология. Лингвистические термины "грамматика" (также "фонетика" и др.) двузначны: они обозначают раздел языка, предмет и науку об этом предмете. Так же и этимология.

Этимологию как предмет (аспект, параметр и т.д. языка) мы определим следующим образом: этимология есть соотношение данного слова языка (в данный исторический момент, в "данной синхронии") с соответствующим словом в предшествующий исторический момент, в другой синхронии, следовательно, соотношение двух синхроний – диахрония. Этимология как дисциплина ("наука" об этом предмете) есть разыскание лингвиста, в большинстве случаев представляющее собой гипотезу.

В ядре этимологии как гипотезы, в ее внутренней структуре, мы можем обнаружить некоторую функцию; этот вопрос и составляет содержание данного раздела.

Пример исследовательской ситуации в этимологии: латинское *texō* и др. Латинское *texō* "ткать" VS старославянское и древнерусское *тесати, тешу; тесла* "особый род топора". Знак VS (от латин. *versum*) означает противопоставление в рамках какого-либо общего основания. Что индоевропейские слова, стоящие в приведенном примере справа и слева от знака VS противопоставлены, но объединены в рамках некоторого общего основания, – ни у кого из лингвистов не вызывает сомнений. Но каково это основание, а также "левая" или "правая" позиция представляют более ранний этап, – это и является предметом разысканий, этимологических гипотез.

Вот как описывают эту исследовательскую ситуацию А. Эрну и А. Мейе [Ernout, Meillet 1967: 690]: латин. *texō, texere* "ткать", *t. tēlam* "ткать ткань", *tēla* "ткань" от того же глагольного корня **texla*; "говорится не только о ткани, но о всяком произведении ручного труда, где материальные части переплетаются или сочленяются перекрещиваясь": *t. robōre naves* (Вергилий) букв. "оплетать корабли дубовым тесом"; *textrinum* "строительная площадка, верфь" и т.п., также переносное – "плести слова, речи", *texius* "связное изложение, текст". Имеется индоевропейский корень, означающий "работать топором, плотничать", ведийск. *takṣ-* и т.д. Латин. *tex-* можно было бы сблизить с ними только в предположении какого-либо исходного смысла, весьма расплывчатого; сравнить также греч. *τέχνη* "мастерство, умение, способ, прием" – "техника"; "но ничто не позволяет постулировать такой общий смысл". «"Рубить топором, тесать" и "ткать" не сводимы ни к какому общему смыслу», – замечает А. Мейе в другом месте.

Новаторство Э. Бенвениста и состоит в том, что он отказывается от поиска таких "общих смыслов": этимология лежит не в области "смыслов", а в области "денотатов". Мы снова подошли здесь к нашей теме функции.

Вернемся еще раз к формуле словной функции (см. выше):

$$\text{денотат имени } N = f(\text{смысл имени } N).$$

И при подходе Бенвениста эта формула по-прежнему верна – денотат имени, его "значение", определяется согласно формуле смыслом имени, но смысл, в частности в операторе дескрипции, нужно трактовать не "номинально", не "номиналистически", а "реально, вещно" (см. выше I, 8). Смысл нового, стихийно создающегося слова состоит не в "умозрительном" выведении нового смысла из предыдущего, "старого", – в данном случае не в выведении смысла "тесать топором" из "ткань" или же в обратном порядке смысла "ткать" из смысла "тесать топором", – а в том, что каждый из этих двух смыслов исторически, в "реальном" отношении возник из соответст-

вующей техники – смысл "ткать" из технологии ткачества, а смысл "тесать" из работы топором. Но в "номинальном" отношении каждый из этих смыслов заново определяет свой денотат – новые слова и вещи в новой синхронии.

В "формализаторском" смысле можно сказать, что словная функция, в ее данном примере, – это *функция с переменными областями определения аргументов* – из области ткачества, из области работы топором и, возможно, еще из других областей.

Их реальное, диахроническое соотношение открыто О.Н. Трубачевым в его известной работе "Ремесленная терминология в славянских языках" [Трубачев 1966: 18–19]. "Не будучи выделено в особый раздел, плетельное искусство и его лексика присутствует как осязаемый субстрат в терминологии и технологии таких ремесел у славян, так текстильное, плотничье и гончарное (...) Элементы техники плетения и связанная с этим лексика пронизывают текстильное, плотничье и гончарное производство и связанную с ними терминологию в славянских языках".

"В связи с этим общая схема реально-семантических субстратов славянской ремесленной терминологии будет выглядеть следующим образом:

п л е т е н и е	
текстильная терминология	
плотничья "	
гончарная "	
кузнечная "	
с в я з ь с о г н е м	

Как уже было сказано, ткачество более всего напоминает плетение. Если продолжать далее это сравнение реального плана, то связь, например, плотничества и плетения уже не так очевидна, а для того, чтобы знать о связи гончарства с плетением, нам, как увидим ниже, нужно прибегать к изучению ископаемых остатков и современных культурных реликтов, т.е. необходимо специальное научное исследование". "Мы видим здесь, продолжает О.Н. Трубачев, – проявление автономности реального и языкового планов. Напомним, что ткачество – родное детище плетения, тогда как плотничество и особенно гончарство – далеко эволюционировавшие родственные отрасли производства. В диахронической терминологии как раз наоборот: следы связи с плетением наиболее ярко и полно реконструируются для лексики гончарства, менее четко – для плотничества и минимально – для терминологии ткацкого производства" [Там же: 19]. То что схематизировано на рис. О.Н. Трубачева для нас в нашем рассуждении является обозначением различных переменных областей аргументов рассматриваемого примера функции.

Резюмируем теперь всю проблему этимологии еще раз, в совсем простом виде, по Э. Бенвенисту. Два французских глагола *voler*(1) "воровать" и *voler*(2) "летать" не возводятся ни к какой общей этимологии в области смыслов, как бы хитроумно эти смыслы ни соединять. Их этимология лежит в области денотатов – в соколиной охоте Средневековья: сокол 1) "летит" и 2) "хватает, присваивает добычу" [Benveniste 1954; Бенвенист 1974: 332].

2. Функции с переменными областями определения аргументов и Синонимичные лексемы естественного языка с каким-либо вариативным существенным признаком. Простым примером из русского языка может служить пара *лизоблюд* // *блюдолиз*. Оба эти слова разнозначны, но тенденция (модель) такова, что слово с начальным ("левым") глагольным элементом в русском языке образуется редко и, в случае, если оно появилось, – это скорее актуальное производство, на данный случай, и означает качество преходящее. Напротив, слово со вторым ("правым") глагольным компонентом означает скорее качество постоянное или деятельность, профессию, постоян-

ный род занятий как лесовод, садовод, машиностроитель, электровоз и т.п. Так же и в греческом языке: *φερέ-οικος* "несущий свой дом" и *οἰκο-φόρος* "носящий свой дом", оба в сущности означают одно и то же, человека по его данному признаку – "кочевник", "язычник". Однако первое из них выделяет его по его преходящему, актуальному в данной связи качеству, а второе – по его качеству постоянному.

Отметив это различие, Э. Бенвенист поставил его далее в параллель с постоянными параметрами индоевропейской языковой системы – двумя родственными по происхождению, но различными суффиксами – *-tor* безударный, обозначает человека как "автора" того или иного действия, по его данному, преходящему признаку, аналог определения-прилагательного; *-tér* – всегда ударный, обозначает человека по его сущностному, врожденному или дарованному богами, судьбою и т.д. признаку, как носителя постоянного свойства. [Бенвенист 1974: 249–250; Benveniste 1975: 52]. Например, *ἰατήρ* "целитель, человек, обладающий целительной силой", *ἰάτωρ* "исцелитель, человек, названный так по произведенному им, хотя бы и однократно, акту".

Идя по пути, намеченному Э. Бенвенистом в связи со словной функцией, мы далее обнаруживаем это различие двух типов свойств как глубинный, скрытый параметр русского языка (и вообще индоевропейских), как одну из скрытых языковых категорий (соответствующий термин английской семантики *covert categories*). (Сущностное после знака VS.)

Сравним: *врач, лекарь* VS *врач божьей милостью*; *поэт* VS *поэт божьей милостью*; *актер* VS *актер на все времена* (неологизм) и т.п.; *рожать, родить* (о женщине, о земле) (несов. вид *родить* в этом значении о женщине всегда, а о земле чаще всего – с ударением *роди́ла*; сов. вид о женщине всегда, а о земле может быть с ударением *родила́*) VS *родить* (также о мужчине) *Он и детей родит только по разрешению начальства*; и т.п.

Целая группа и.-е. слов связана со значением корня **prē-sk-*, которое можно определить как "свободно развивающийся, не стесненный вмешательством человека (в современном языке мы бы выразились так: органически развивающийся)". В русском от него пресный // прѣсный, например *пресное тесто, пресный хлеб* "неквашеное тесто, хлеб из неквашеного теста", также *пресный мед* "натуральный", противопоставляется "ставленный мед, мед кислый, питный, вареный". В немецком *frisch* "свежий, бодрый". Но французский дает более сложную картину: франц. *frais, fraîche*, восходящее к германскому, означает тоже "свежий, бодрый", но в применении к пищевому продукту молочного характера *crème fraîche* букв. "свежие сливки" – как раз обратное "сметана, закисшие сливки"; базовое значение корня при этом обозначении сохраняется, так как "свежие" в этом сочетании означает "превратившиеся в сметану, закисшие естественным путем, без какой-либо обработки". В древнегреческом Э. Бенвенист обнаружил такое же обозначение естественного процесса *τρέφειν γάλα* букв. "кормить молоко", т.е. заквашивать, створаживать его естественным путем. Далее на этом основании Э. Бенвенист раскрыл первоначальное значение корня глагола *τρέφ-* «дать развиваться (букв. "вскормить") естественным путем, дать развиваться тому, что может развиваться само» [Бенвенист 1964: 335; Benveniste 1954].

3. Кое-что из истории культуры. Треугольник функций, "семантический треугольник". Его исторический прототип (идея Иоанна из Солсбери).

Иоанн из Солсбери (ок. 1110 – ок. 1180), называемый также Иоанн Солсберийский, Ioannis Saresberiensis – англичанин из Солсбери, правоверный католик, стал в конце жизни епископом Шартра во Франции, и прославился как один из самых образованных и тонких писателей-философов своего времени. В одном из своих двух знаменитых сочинений в "Metalogicus" ("Металогик", по-гречески в ср. роде "Metalogicon") Иоанн из Солсбери формулирует идею, которая может считаться первым выражением "семантического треугольника" ("треугольника Фреге") и одновременно логическим основанием принципа "Весь мир театр". "Семантический треугольник", как уже было сказано выше, представляет собой схему, которая связывает три сущности –

"слово", его "денотат", т.е. "вещь", которая словом называется, и его "сигнификат", или "смысл", т.е. "понятие" об этой вещи. Слово н а з ы в а е т вещь и о з н а ч и - в а е т (сигнифицирует) понятие об этой вещи.

Иоанн выражает это так: "Item Aristoteles: Genera, inquit, ad species, circa substantiam, qualitatem determinant: non enim simpliciter *quid*, sed quodam modo *quale quid* determinant. Item in Elenchis: homo et omne commune, non *hoc aliquid*, sed *quale quid*, vel *ad aliquid aliquo modo*, vel *huiusmodi quid* significat. Et post pauca: manifestum quoniam non dandum *hoc aliquid esse*, quod commune praedicatur de omnibus, sed aut quale, aut ad aliquid, aut quantum, aut talium quid, significare. Profecto quod non est *hoc aliquid*, significatione expressa non potest explanari quid sit. Existentium enim à natura certus est finis, et singula suis ab invicem proprietatibus discreta sunt, sed eorumdem est plerumque minus finita cognitio, et quodammodo conceptio vaga. Nec istis praeiudicat, quod fere in omnium ore celebre est, aliud scilicet esse quod appellativa significant, et aliud esse quod nominant. N o m i n a n t u r singularia, sed universalia significantur" (Metalog., Liber II, Cap. XX [Ioannis Saresb., 1639: 825]. – (Курсив автора, разрядка моя. – Ю.С.) – "Так же и Аристотель: Роды и виды, – говорит он, – в отношении к субстанции определяют ее качественно: не просто *что*, а некоторым образом *какое [это] что*. И так же в определениях [в том числе, отрицательных. – Ю.С.]: человек и любой вообще названный предмет, не *данное нечто*, а *какое [это] нечто*, или *к данному нечто* каким образом *относящееся* или *таким-то образом* это нечто означено. И еще вот что: то, что обычно предикцируется о любой данной вещи, означает не то, что *это нечто существует*, а то, какое оно, или к чему относится, или в каком количестве, или такого-то разряда. В самом деле, полностью выраженное означивание того, *чем данное нечто не является*, не может объяснить, что это (о какой вещи идет речь. – Ю.С.). Ибо для [каждой из] существующих вещей [се] предел установлен природой, и каждая отдельная из них извлекается из множества данных вперемежку качеств, но зато познание их [сути] по большей части менее определенно, а [общий] концепт их некоторым образом расплывчат. Не противоречит этому и то, что у всех почти на устах, а именно, что одно дело знать, что значат нарицательные имена существительные, и другое дело – что они называют. Ибо е д и н и ч н ы е в е щ и н а з ы в а ю т с я, а о б щ е е (у н и в е р с а л и и) о з н а ч и в а е т с я".

Последняя, выделенная нами фраза, и выражает суть логического учения Иоанна Солсберийского, да, пожалуй, и всех схоластов после XII в. На этом замечательном тезисе основывали свои логико-лингвистические концепции Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) (посмертно опубликованная работа "Экзистенциальные графы. Мой шедевр"), Р.О. Якобсон (1896–1982) (работа "В поисках сущности языка" [Якобсон 2001: 125]).

Этот же тезис Иоанна Солсберийского выражает и логическую основу убеждения "Весь мир – театр": ведь если имя лица, как и всякое имя существительное нарицательное, в одном отношении – к вещи – именуется, а в другом отношении – к сути этой вещи – означивает, то здесь и лежит основа маскарада имен, основа театра: человек является одним по своему наименованию; но может быть чем-то вовсе другим по своей сути; имя – лишь маска актера, облик его персонажа. Человек является одним по своей сути, но вынужден играть кого-то другого по своей роли в жизни. Поэтому Иоанн колеблется, назвать ли такое положение человека "Комедией" или "Трагедией".

Именно по этой, "театральной" линии идея Иоанна восходит к предшествующим ему моральным учениям европейских стоиков – Сенеки и Эпиктета и служит связующим звеном с последующим – с театром Кальдерона, Лопе де Веги и Шекспира.

Шекспир, в отличие от Иоанна, не колеблется, он просто пишет на фронтоне своего театра "Глобус". "Totus mundus agit histrionem" ("Весь мир актерствует").

Таким образом, все рассмотренные здесь функции (не исключая и математических) – это выражение *переменных аналогий мира*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барышева И.В.* 1969 – Активные сопряженные процессы при образовании сложных слов и словосочетаний в современном французском языке (типы *bateau-mouche*, *brise-glace*, *voter communiste*). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1969.
- Бенвенист Э.* 1974 – Общая лингвистика. М., 1974.
- Бенвенист Э.* 1974а – Синтаксические основы именного сложения // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974а.
- Выгодский М.Я.* 1995 – Справочник по высшей математике. Изд. 13-е. М., 1995.
- Гудстейн Л.Р.* 1961 – Математическая логика. М., 1961.
- Гастев Ю., Шаин И.* 1967 – Рекурсивные функции и предикаты // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967.
- КВМ 2000* – Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000.
- Кондаков Н.И.* 1971 – Логический словарь. М., 1971.
- Кочегина В.А.* 1990 – Словообразование санскрита. (Префиксация и основосложение). М., 1990.
- Литлвуд Дж.* 1978 – Математическая смесь. Изд. 4-е. М., 1978.
- Патнэм Х.* 1999 – Философия сознания. М., 1999.
- Райл Г.* 1998 – Обыденный язык // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М., 1998.
- Родин А.В.* 2000 – Именованье как событие: от возможных миров к виртуальной среде // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000.
- РЯСО 1968* – Морфология и синтаксис современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество. М., 1968.
- СНС 1999* – Что значит знать? Сборник научных статей. М., 1999.
- Трубачев О.Н.* 1966 – Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.
- Фещенко-Такович В.В.*, в печ. – Грамматика может быть создана заново. – Экспериментальная поэтика Гертруды Стайн, в печати.
- Холл Парти Б.* 1983 – Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика. М., 1983.
- Черч А.* 1960 – Введение в математическую логику. Т. I. М., 1960.
- Якобсон Р.* 1965 – Итоги Девятого конгресса лингвистов // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.
- Якобсон Р.* 2001 – В поисках сущности языка // Семиотика. Антология. М., 2001.
- Benveniste E.* 1954 – Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word. V. X. 1954. № 2–3.
- Benveniste E.* 1967 – Fondements syntaxiques de la composition nominale // BSLP. T. 62. 1967.
- Benveniste E.* 1975 – Noms d'agent et noms d'action en Indo-européen. P., 1975.
- Ernout A., Meillet A.* 1967 – Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Quatrième éd. P., 1967.
- Ioannis Saresberiensis* 1639 – Poliraticus, sive De nugis Curialium et vestigiis Philosophorum, libri octo. Accedit huic edicioni eiusdem Metalogicus. Lugdini Batavorum. Ex officina I. Maire, 1639.
- Seiler H.* 1960 – Relativsatz, Attribut und Apposition. Wiesbaden, 1960.